

издав это мяуканье, Шэнь Янь замер.

Чей это был голос? Цинь Цзигуя? Не похоже. Крашеного? Мерзость какая. Кто тогда?

Черт?!

До Шэнь Яня наконец дошло. Перехватив странные, непередаваемо сложные взгляды Цинь Цзигуя и хулиганов, он осознал: его, грозу школы Шивай, застукали прямо на месте преступления, когда он вовсю мяукал.

Волна дикого стыда мгновенно ударила в голову, уши на глазах залились кумачом.

Однако многолетний опыт признанного авторитета из нижнего района Наньву помог ему быстро взять себя в руки. Шэнь Янь решил перехватить инициативу и пойти в атаку. Поднявшись, он с вызовом изогнул бровь и бросил Цинь Цзигую:

— Ты-то что здесь забыл?

И, не дожидаясь ответа, тут же повернулся к бедолагам у стены, раздраженно рывкнув:

— А вы какого черта тут разлеглись?

Крашенный с компанией только-только очухались от взбучки, как тут же опешили от мяуканья. Не успели они прийти в себя, как на них обрушился этот град вопросов. Совсем растерявшись, главный из них нерешительно переспросил:

— А это... разве не задворки нашего профлиacea?

Шэнь Янь онемел.

И правда. Так какого лешего Цинь Цзигуй забыл у задних ворот профлиacea?

Шэнь Янь снова обернулся к Цинь Цзигую, выразительно вскинув бровь.

Тот недрогнувшей рукой спрятал травмированную правую кисть в карман брюк и с невозмутимым видом отозвался:

— Шел на курсы, случайно пересеклись. Вышла небольшая размолвка.

Крашенный, который спокойно шел себе навстречу Линь Цянь, когда его внезапно затащили в

подворотню и жестоко избили: «?»»

Это так теперь называется?

Он хотел было возмутиться, но наткнулся на ледяной, обещающий неприятности взгляд Цинь Цигуя. Запнулся и, втянув голову в плечи, закивал как заведенный:

— Да-да, именно так!

Шэнь Янь, нахмурившись, переспросил у Цинь Цигуя:

— А прошлым вечером?

Он не стал уточнять, что именно произошло прошлым вечером, но оба понимали, о чем речь.

Цинь Цигуй сохранил полное хладнокровие:

— Вчера проходил мимо интернет-кафе, услышал, как они чешут языками лишнее. Сделал пару замечаний, возникли трения. Ничего серьезного.

Крашенный, который вчера спокойно сидел в сети, пока его не вытащили на улицу и не отделали до полусмерти: «??»»

И это тоже так называется?!

Снова столкнувшись с ледяным взглядом Цинь Цигуя, он лишь обреченно закивал:

— Да-да, все верняк!

Проглотив эти объяснения, Шэнь Янь уже всю дорисовывал в голове картину: Цинь Цигуй вчера случайно перешел дорогу этой шпане, и теперь те решили устраивать на него облавы одна за другой.

Вспомнив о разбитых руках Цинь Цигуя, Шэнь Янь мгновенно ожесточился. Присев на корточки, он отвесил крашеному ощутимый подзатыльник:

— Вы вообще в курсе, на кого батоны крошите? Вчера мало отгребли, еще захотелось?

Крашенный, которого за два дня отоварили трижды: «???»»

Да боже упаси! Им с лихвой хватило!

И вообще, кто на кого нападал?! Это Цинь Цзигуй два дня подряд приходил вытирать об них ноги!

Самое паршивое, что этот гад вел себя до одури вызывно: перед дракой неспешно засучивал рукава, смеривал тебя презрительным взглядом, распаляя ярость до предела, а когда ты уже летел рвать его на куски, ловко сбивал с ног длинной ногой. После чего точно обрабатывал места, где синяков почти не видно, а боль адская. Ни одного лишнего движения!

И все это с каменным лицом, будто завалить толпу для него — скучная повседневность. Позер высшей марки!

И после этого их же делают виноватыми?!

Сколько лет крашенный промышлял на улицах, а такой несправедливости еще не встречал. От обиды он не сдержался и рявкнул:

— Да кто к нему цеплялся?! Нас разнесли в хлам, а ты говоришь, мы к нему цеплялись?! Ты хоть представляешь, что этот хмырь, сука...

На пике чувств крашенный оторвал руки от затылка и потянулся задрать футболку, чтобы показать Шэнь Яню красующиеся на теле синяки. Но едва он дернулся, как встретился взглядом с Цинь Цзигуем, стоящим за спиной Шэнь Яня.

Парня словно парализовало. Вспомнив, как этот дьявол с равнодушным лицом давил его за горло, прижимая к стене, крашенный покорно вернул руки на затылок и снова сжался в комок:

— Виноват, косяк усек, больше не повторится. Слушай... а он тебе вообще кто?

Откуда взялся этот монстр?!

Шэнь Янь понятия не имел, какие знаки подавал Цинь Цзигуй за его спиной. Решив, что крашенный просто струсил под его собственным грозным напором, он не стал вникать, но вопрос застал его врасплох.

И правда, кто ему Цинь Цзигуй?

Сосед? Одноклассник? Заклятый враг, с которым они друг друга терпеть не могут?

Ни один статус не объяснял, с какого перепугу он за него впрягается.

В возникшей паузе Шэнь Янь вспомнил про сегодняшнее желание. Находчивость сработала мгновенно, и он выдал с максимально невозмутимым видом:

— Он моя шестёрка.

Крашенный: «???»

Эта ходячая смерть кому-то прислуживает?!

Он диким, полным недоверия взглядом уставился на Цинь Цзигуя.

Тот же, держа руки в карманах и подпирая плечом стену, лишь едва заметно кивнул:

— Ага. Я его шестёрка.

Крашенный: «...!»

Едрить колотить!

Если даже такое чудовище ходит под Шэнь Янем, значит, у того в рукаве припрятаны такие козыри, о которых они и помыслить не смеют! Выходит, раньше Шэнь Янь с ними просто миндальничал, а его реальная сила находится за гранью человеческого понимания.

Взгляд хулиганов, устремленный на Шэнь Яня, в миг исполнился священного трепета и ужаса.

А Шэнь Янь, тайком переживавший, что Цинь Цзигуй не станет играть по его правилам, облегченно вздохнул.

Надо же, а этот паршивец умеет проявлять понятливость.

Выходит, та система исполнения желаний оказалась полезной?

Шэнь Янь удовлетворенно усмехнулся, поднялся на ноги, поправил лямку рюкзака и сверху вниз посмотрел на крашеного:

— Выкладывай подробнее. В чем конкретно твой косяк?

От природы у него были глубокие двойные веки; когда он опускал взгляд, разрез глаз становился узким и хищным, а в сочетании с изгибом бровей это придавало лицу дерзкое, наплевательское выражение.

Приняв это за демонстрацию скрытой мощи, крашенный без лишних раздумий выпалил заученное:

— Нельзя проявлять неуважение к девчонкам, нельзя домогаться, нельзя принуждать, нельзя распускать грязные языки и уж тем более нельзя трогать тех, кого трогать запрещено.

— Тех, кого трогать запрещено?

Первые пункты звучали сносно, но последний выбивался из общего ряда.

Крашенный решил, что Шэнь Янь недоволен ответом, и торопливо пояснил:

— Это все со слов брата Циня! Он меня так уму-разуму учил.

— Он учил? — Шэнь Янь нахмурился.

Крашенный испуганно закивал:

— Ну да, да! Брат Цинь дословно сказал: «Я всыпал тебе не просто так, а за то, что ты распустил руки там, где не следовало». Он мне это еще вчера говорил, когда первый раз пришел чистить нам рыло.

Искренне пытаясь загладить вину, крашенный от страха забыл следить за сигналами Цинь Цигуя.

Шэнь Янь сдвинул брови еще сильнее:

— В смысле «когда первый раз пришел»? Он что, вчера не мимо проходил, а специально вас искал?

Заново вошедший во вкус покаяния крашенный осекся.

Шэнь Янь медленно повернулся к Цинь Цигую.

Тот опустил глаза, пряча взгляд.

Выходит, молчаливое согласие?

Если бы крашенный не проболтался, Цинь Цигуй так и продолжал бы вешать ему лапшу на уши?

Но если он вчера специально пошел раздавать тумачков этим отмороженным, почему бы не сказать прямо? Чай, не грех какой! Зачем скрывать-то, Шэнь Янь же не стал бы...

Стоп.

Вспышка озарения мгновенно связала разрозненные детали в единую цепочку.

Вчера во время дежурства Цинь Цигуй скривил мину только потому, что Линь Цянь принесла Шэнь Яню пластырь.

Прослышав, что шпана из профликея приставала к Линь Цянь, он сбежал из школы, прогуляв занятия по подготовке к олимпиаде.

Понимая, что Шэнь Янь по своему характеру обязательно пойдет с ними разбираться, он караулил его у забора с фальшивым журналом нарушений, запрещая вмешиваться.

А чтобы окончательно отбить у этих ублюдков охоту лезть к девушке, Цинь Цигуй сегодня лично явился к профликею и добавил им сверху.

Все эти поступки именовались простым и логичным объяснением — Цинь Цигуй сох по Линь Цянь.

Потому и бесился, когда она заботилась о другом.

Потому и пошел учить уму-разуму тех, кто ее обидел.

Потому и бросил фразу про «тех, кого трогать запрещено».

Потому и связывал Шэнь Яню руки, видя в нем главного соперника.

Цинь Цигуй — образцовый ученик, никогда не нарушавший правил, — дважды ввязался в драку и прогулял уроки. Что это, если не любовь?

Недаром после того, как Линь Цянь призналась Шэнь Яню в любви на прошлом дне рождения, Цинь Цигуй резко сменил милость на гнев.

Го Ю с парнями оказались правы: Цинь Цигуй действительно влюбился в Линь Цянь.

Но даже если тебе дорога девчонка, разве можно перечеркнуть пятнадцать лет дружбы?!

Наплевать на брата, с которым рос бок о бок?!

Неужели он для него — пустой звук?!

Шэнь Янь закипал все сильнее. Гнев застилал глаза. Не сдержавшись, он вцепился в воротник Цинь Цигуя, с силой прижал его к стене и занес кулак.

Но у самого лица движение застыло. Фаланги пальцев побелели, на тыльной стороне ладони вздулись вены — Шэнь Янь изо всех сил сдерживал порыв. В итоге он с досадой опустил руку и сквозь зубы процедил:

— Цинь Цигуй, мне не нравится Линь Цянь! Между нами ничего нет!

Цинь Цигуй даже не качнулся. Он лишь спокойно посмотрел на него и тихо ответил:

— Я знаю.

— Знаешь?! — Шэнь Янь оторопел, а в следующее мгновение вспыхнул с новой силой. — Ты, блин, знал, что она мне не нравится, и все равно решил со мной порвать?! Ты совсем сдурел?!

Сидевший неподалеку крашенный подал слабый голос:

— Слышь...

— Заткнись! — даже не обернувшись, рявкнул Шэнь Янь. Он продолжал вне себя от злости трясти Цинь Цигуя: — Раз ты знал, что она мне безразлична, какого хрена ты со мной рассорился?! Чем я тебя, сука, обидел?!

— Эй, Шэнь Янь... — снова попытался вставить слово крашенный.

— Я кому сказал, пасть завали! — Шэнь Янь задыхался от обиды, голос его дрожал. — Цинь Цигуй, выкладывай все начистоту! Чем я перед тобой провинился?! Скажи прямо, и я клянусь, что больше в жизни к тебе не подойду!

— Да блин...

Крашенный проявил редкое упорство.

Шэнь Янь наконец потерял остатки терпения и обернулся:

— Ты не видишь, мы тут...

Договорить он не успел. Взгляд, сместившийся на девяносто градусов, наткнулся на нечто непредвиденное.

В конце переуллка к ним на всех парах неся плотный тучный силуэт. Движение сопровождалось запыхавшимся, полным праведного гнева воплем:

— Шэнь Янь! Я так и знал! Ты опять драку устроил!!!

Мать твоя!

Хорёк?!

Если этот затащит его в учительскую, придется стоять всю вечернюю самоподготовку, а потом еще десять кругов по стадиону наматывать!

Страх перед деканом Хуаном мгновенно вытеснил злость на Цинь Цзигуя. Шэнь Янь замер как вкопанный.

В следующую секунду кто-то сдернул рюкзак с его плеча, крепко сжал его запястье, и над ухом раздался короткий шепот:

— Бежим.

Прежде чем разум успел отдавать команды, инстинкт сработал сам: Шэнь Янь слепо рванул за обладателем этого голоса прямо в душевные, раскаленные летние сумерки.

Горячий воздух, пропитанный запахом вечерней гари и еды, забил дыхание. И почему-то Шэнь Яню вспомнилось детство.

Тогда Цинь Цзигуй вместе с тетей Цинь только-только вернулся в Наньву.

Симпатичный, тихий, умный, аккуратный — воспитательницы и девчонки в саду от него без ума были. А он молчал вечно, ходил с серьезным видом, из-за чего мальчишки его невзлюбили.

Они сбивались в стайки, пакостили ему, пачкали одежду, прятали еду, плевали в лицо и обозывали безродным немым подкидышем.

А Цинь Цзигуй сносил все молча. Не жаловался, не огрызался. И малолетние хулиганы совсем страх потеряли.

Пока однажды на это не наткнулся Шэнь Янь. За день до своего пятилетия он на своих коротких нога-тумбочках с разбегу врезался в их заводилу — Толстого Тигра — и впился зубами ему в руку.

Да только что поделаешь против толпы старших? В итоге Цинь Цзигуй сам растолкал обидчиков, схватил Шэнь Яня в охапку и рванул прочь.

В тот день они точно так же долго петляли по душным, жарким переулкам Наньву, спасаясь от погони. На свой день рождения Шэнь Янь загадал лишь одно: чтобы Толстый Тигр отгреб по полной.

И на следующий день заводила действительно пришел весь в синяках и соплях, слезно обещая больше никогда их не трогать.

С тех пор всегда сторонившийся людей Цинь Цзигуй стал каждый день ходить с ним в школу и обратно, не отходя ни на шаг.

А позже, когда Цинь Цзигую пришлось взять академический отпуск на год, он лишь спокойно заметил: ничего страшного, зато теперь мы учимся в одном классе и я смогу тебя защищать.

У Шэнь Яня всегда была отличная память, но он и не подозревал, насколько отчетливо помнит то время.

Правда, воспоминания об отце или о госпоже Сюй тогдашних лет изгладились, превратившись в туман. Четко вырисовывались лишь старый двор, обвитый диким виноградом и розами, вкусная бабушкина еда и Цинь Цзигуй, заполнивший собой почти все его детство.

Но какой от этого толк?

Цинь Цзигуй оказался обычным предателем, променявшим дружбу на девчонку!

Когда Шэнь Янь опомнился, они уже стояли у своего подъезда. Он решительно вырвал руку:

— Не трогай меня. Сгинь с глаз моих!

Голос прерывался от бега, челка взмокла и растрепалась, на щеках горел румянец.

Цинь Цзигуй и сам тяжело дышал, но первым делом заметил промокшую от пота футболку Шэнь Яня и тихо произнес:

— Пойдем домой, там поговорите. Переоденься сначала, а то продует.

— Не твоё дело! — Шэнь Яню один вид Цинь Цзигуя был тошен, он просто огрызался на любое слово.

Он уже повернулся, собираясь уйти, как сзади донеслось строгое:

— Цинь Цзигуй, Шэнь Янь, а ну стоять!

Обернувшись, они увидели тетюшку Цинь, выходящую из стеклянных дверей подъезда. На обычно кротком лице застыло редкое выражение гнева; волосы были небрежно заколоты, на лице — ни капли косметики, явно выбежала в спешке.

Шэнь Янь замер на месте, опустил голову и виновато пробормотал:

— Тётя Цинь...

Видя его опущенные плечи, тетюшка Цинь мгновенно сменила гнев на милость. Сокрушенно вздохнув, она велела:

— А ну-ка оба кругом.

И самый холодный, неприступный отличник школы Шивай вместе с самым отчаянным местным хулиганом молча, плечом к плечу, синхронно повернулись на триста шестьдесят градусов.

Руки-ноги целы.

Тетюшка Цинь облегченно перевела дух:

— Главное — без травм.

Затем, решив, что проявила излишнюю мягкость, она напустила на себя строгость и максимально грозно отчитала их:

— У вас совесть есть?! Мне ваш декан уже всю плешь проел! А ну марш объясняться!

Она вытащила телефон, нажала на вызов и, как только на том конце сняли трубку, заговорила бархатным, изысканным тоном:

— Здравствуйте, декан Хуан! Это мама Цинь Цзигуя и Шэнь Яня. Все в порядке, мальчики зашмыгнули домой. Шэнь Янь с утра плохо себя чувствовал, а при виде вас совсем перепугался, вот у него голова и закружилась, стошнило. Цзигуй его домой и доставил. А про

драку я еще не расспрашивала, поговорите с ними сами.

Она включила громкую связь, поднесла телефон к ребятам и выразительно повела бровью — мол, сделала все, что могла.

В ту же секунду из динамика вырвался оглушительный рев Хорька:

— Шэнь Янь! Мало того что ты сам забил на учебу, драки устраиваешь да уроки прогуливаешь! Ты еще и Цинь Цзигуя с пути истинного сбиваешь?! Для тебя законы вообще не писаны?!

— Кто кого сбивает-то... — буркнул Шэнь Янь.

Тихо буркнул, но Хуан Шулян за годы работы натренировал слух не хуже, чем у настоящего хорька.

От этих слов декан закипел с новой силой:

— А кто еще?! Не ты его, так он тебя, что ли?! Ты хоть знаешь свой балл за семестр?! Триста двадцать семь! Абсолютный антирекорд! На сто сорок семь баллов ниже, чем у предпоследнего места! Я столько лет в Шивай преподаю, а таких результатов отродясь не видел! А знаешь, сколько у Цинь Цзигуя?! Семьсот двадцать три! Первый в параллели! Если он способен тебя научить чему-то плохому, я себе голову отрублю и дам тебе вместо мяча попинать!

Выпалив этот монолог, Хорёк едва не дымился от праведного гнева.

И тут Цинь Цзигуй спокойно роняет:

— Декан Хуан, это действительно я втянул Шэнь Яня.

—?

Цинь Цзигуй продолжил ровным тоном:

— Я сам пошел разбираться с теми парнями из профлицея, а Шэнь Янь просто шел мимо, когда зашел поужинать.

—???

Даже через экран чувствовалось, как над головой Хуан Шуляна материализовались три гигантских вопросительных знака.

Цинь Цзигуй продолжал давить фактами:

— Если не верите, можете спросить у тех ребят или у их завуча.

—...

После пары невозмутимых фраз Цинь Цзигуя в трубке воцарилась гробовая тишина.

Пауза затянулась.

Наконец декан Хуан выдавил:

— Я... проясню этот вопрос.

Когда он перезвонил, его голос звучал уже исполненным елеса и патоки:

— Цзигуй, сынок... Учитель тебя не журит. Заступаться за слабых, бороться со злом — дело благородное, похвальное! Но методы... методы мы такие не одобряем. Ты ведь у нас гордость школы, будущий победитель олимпиад, надежда Цинхуа и Бэйда, цвет нации! Ты должен беречь себя, слышишь?

Шэнь Янь, до этого пинавший камушек, подскочил от возмущения:

— Пойдите, декан! Когда я заступался за слабых, вы мне совсем другое пели!

— А ты еще рот открываешь?! — моментально переключился в режим фурии декан. — Не думай, что если ты сегодня драку не начинал, то чист как стеклышко! Кто вечернюю самоподготовку прогулял?! Ты! Кто от меня драпал?! Ты! Кто опять без формы появился?! Ты! Кто на экзамене дрых и скатился на самое дно?! Ты! Посчитай, сколько пунктов устава ты нарушил! Да из тебя же прямой наводкой растет угроза для общества, ты понимаешь?!

Шэнь Янь: «??»

С какого перепугу Цинь Цзигуй — надежда нации, а он — угроза для общества?!

Не успел он озвучить свой протест, как декан уже подвел черту:

— Ладно. Учитывая благие побуждения, отсутствие тяжких последствий и то, что у Шэнь Яня сегодня день рождения, на первый раз прощаю. Цинь Цзигуй, марш на подготовку к олимпиаде, а завтра жду от тебя объяснительную на восемьсот слов. Шэнь Янь! А ты перепишешь устав школы от корки до корки! Аккуратно и без марашек! Не успеешь до завтра

— будешь сидеть у меня в кабинете и писать, пока ручка не расплавится, понял?!

Шэнь Янь: «???»

— С какого перепугу Цинь Цзигую всего восемьсот слов объяснительной, а мне — десяти тысячный устав переписывать?! Дрался-то он! — не выдержал Шэнь Янь.

На что декан отрезал с железобетонной логикой:

— С такого, что Цинь Цзигуй — первый в рейтинге, а ты — последний!

И бросил трубку.

А вместе с этим звонком разбилось и юношеское сердце Шэнь Яня, уставшее от мировой несправедливости.

Он был готов взорваться от злости.

Сначала из-за глупостей Цинь Цзигуя сбежал котенок, которого он так долго подкарауливал.

Потом выяснилось, что Цинь Цзигуй перечеркнул пятнадцать лет дружбы только потому, что побесился из-за признания девчонки.

А под конец их накрыл декан и продемонстрировал двойные стандарты во всей красе.

Сплошная бытовуха и грязь, и все из-за Цинь Цзигуя!

Да чтоб он еще хоть раз на него посмотрел!

Обида захлестнула Шэнь Яня. Вырвав свой рюкзак, он толкнул дверь подъезда, не намереваясь проронить больше ни слова.

Цинь Цзигуй окликнул его сзади:

— Шэнь Янь.

Слушать его не хотелось. Рывкнув на ходу: «Катись на свои курсы и не мозоль мне глаза!», Шэнь Янь хлопнул дверью и ушел, не обернувшись.

Тетушка Цинь хотела было вмешаться, но ей пора было собираться на деловую встречу с Цзянь Пином, поэтому она лишь тихо сказала Цинь Цзигую:

— Ладно, я же знаю, что вы у меня хорошие мальчики и глупостей не сделаете. Но больше чтоб без таких фокусов, а то перед деканом Хуаном я за вас заступаться больше не стану. Ты старше, уступи А-Яню. Вернешься с занятий — захвати чего-нибудь вкусного, он у нас отходчивый, быстро сменит гнев на милость.

«Ничего я не отходчивый!»

Уловив последнюю фразу, Шэнь Янь с мрачайшей миной вошел в лифт.

В этот раз он разозлился всерьез. Настолько всерьез, что никакие вкусняшки бы не помогли.

Цинь Цзигуй даже не думал раскаиваться. Да даже если бы он прямо сейчас приполз на коленях молить о прощении, Шэнь Янь бы его не простил.

Столько лет считать человека лучшим другом, а в итоге оказаться никем, да еще и наблюдать, как учителя и знакомые потакают ему во всем.

За что?!

Мусор.

Заперевшись в комнате, Шэнь Янь вытащил из шкафа огромную подушку-кота, взял маркер и нацарапал на ее плюшевом заде крупными буквами: «Цинь Цзигуй». Сбросив игрушку на кровать, он принялся зверски ее тузить.

Будто пытался выместить всю ту силу, которую не решился применить в подворотне. Удар за ударом, пока наполнитель в районе кошачьей пятой точки не спрессовался так, что перестал расправляться. Лишь тогда Шэнь Янь слегка перевел дух, взял пижаму и поплелся в ванную.

После горячей воды, просмотра аниме и всех прелестей гидромассажа в ванне (которую в свое время выбил именно Цинь Цзигуй) Шэнь Янь немного успокоился и, вытирая волосы полотенцем, вернулся к себе.

Взглянул на часы — почти десять.

Почему Цинь Цзигуй до сих пор не вернулся?

Едва эта мысль промелькнула в голове, как в дверь постучали:

— А-Янь.

— Проваливай!

За дверью ненадолго замолкли, затем раздался низкий, спокойный голос:

— Я помогу тебе переписать устав.

— Не надо! Не смею отнимать драгоценное время у нашего председателя Циня. А то вдруг школа лишится будущего стобалльника, так Хорёк меня сожрёт и не подавится.

После этой порции яда за дверью действительно все затихло.

—?

И это все? Так быстро сдался?

А как же обещание принести вкусняшек?!

Он так и знал! Для Цинь Цигуя он пустое место!

Шэнь Янь в бешенстве выудил из угла стола тренажерную тетрадь, открыл сайт школы, скачал PDF-файл с уставом и, сжимая ручку так, что пальцы побелели, принялся свирепо строчить. Он пытался превратить злость в продуктивность и показать Цинь Цигую, как выглядит настоящий мужской характер.

Однако вскоре выяснилось, что до настоящего мужика ему еще расти и расти.

Потому что, когда он накропал размашистым подчерком несколько страниц и у него начали затекать пальцы, шкала прогресса показывала от силы процентов тридцать.

Шэнь Янь отбросил ручку, откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

В чем он так провинился перед вселенной? В прошлой жизни увел у Цинь Цигуя жену, что ли? За что ему такой день рождения?!

Шэнь Янь в отчаянии зажмурился.

И вдруг замер.

Стоп. День рождения?

Точно!

Он разблокировал телефон. Часы показывали несколько минут первого. Приложение «Исполнение желаний» уже прислало системное уведомление:

[Дорогой маленький хозяин, лимит желаний на этой неделе обновлен! Скорей загадывай желание~]

Шэнь Янь вбил не колеблясь:

[Хочу, чтобы к утру устав школы был полностью переписан]

И уставился на крутящийся значок загрузки, затаив дыхание.

Виток, другой, третий.

[Желание одобрено.]

Шэнь Янь перевел дух.

Плевать, развод это или нет, попытка не пытка. В худшем случае завтра проведет целый день в кабинете Хорька.

С этой мыслью он забрал виртуальный горшок и посадил семечко ромашки.

Теперь оставалось ждать задания.

Секунда, другая, третья.

Шэнь Янь все еще нервничал: если система потребует совершить что-то противозаконное или невыполнимое, то и эта последняя надежда пойдет прахом.

Когда иконка почтового ящика возле сада подсветилась с мягким «дзинь», он невольно затаил дыхание, поджал губы и осторожно ткнул пальцем в кнопку [Получить задание].

А в следующее мгновение просто остолбенел.

Откуда у этого приложения вообще берутся такие неприличные задания?!

<http://bllate.org/book/20611/2112210>